

Александр Разумов

Свобода выбора – выбор свободы (между добром и злом)

Но и так, почти у гроба,
Верю я, придет пора –
Силу подлости и злобы
Одолеет дух добра.

*Борис Пастернак.
Нобелевская премия,
январь 1959 г.*

Истоки предлагаемой вниманию читателя темы находятся в таких глубинах существования, что позволяют автору повести разговор не просто с начала, а с «начала начал». Меня согревает, признаюсь, надежда, что, двигаясь от этих поросших мифологемами глубин к свету, можно встретить поддержку со стороны исторически ориентированного ума, а также обнаружить определенные указатели на дороге. Так вот: «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт 1, 1). Бог, Господь всего сущего сотворил, а «венцу творения», то есть нам, то есть мне, заповедовал возносить Ему хвалу, а главное – жить по Заветам. Уже первый Ветхий Завет, заключенный между Яхве и его народом, трактует в частности, что такое «добро» и «зло» в мыслях и в деяниях. Чтобы актуально и в потомках исполнить Завет, следует правильно прочесть и истолковать тексты «Книги книг» и, конечно, ее первый стих. Однако чтение и толкование древних текстов – дело тонкое и автору сих строк не по силам, но, к счастью, от меня не требуется никакой самостоятельности – достаточно обратиться к идейному наследию предков, а именно, к христианской, православной традиции.

Традиция, верования отцов разъясняют мне и хранят предание о том, что прежде видимого мира вещей Бог сотворил «небо», то есть невидимый мир бесчисленных, бестелесных духов или ангелов. Ангелы обладали силой и волей и созданы были для жизни в великой радости и любви к Богу и друг к другу. Но Создатель не желал любви по принуждению, а посему

предоставил небожителям свободу жить так, как они пожелают. Не все небесные создания ко благу использовали право на свободу выбора. Один из высших ангелов, по имени Денница, так возгордился собственным могуществом, что восстал на Господа и в итоге оборотился Дьяволом (клеветником) и Сатаной (противником Бога); был вместе с многочисленными слугами-бесами низвергнут в ад небесным воинством, откуда вмешивается в мирские, земные дела, являя «силу подлости и злобы», с которой борется «дух добра». Борьба, как мы знаем, идет с переменным успехом, а в наших головах не одни только серафимы и керувимы крылами машут.

На этом вынужден прервать свое краткое, но вполне каноническое изложение христианского толкования смысла первого библейского стиха. Дело за тем, чтобы понять, о чем нам повествует предание в свете интересующей нас темы. Так вот, если отжать мифологическую составляющую до нужной философской сути, то выясняется, что мифологема сообщает нам указания, содержит положения фундаментального свойства. Мы узнаем, что в «начале», то есть в «сущности существования», лежит акт свободного творчества; он предполагает наличие разных возможностей, из которых надлежит делать свободный выбор. Свобода ограничена рамками добра и зла. Последние – «дар небес» или происходит из иной реальности, и от «образа и подобия» зависит, как он этим даром воспользуется. В любом случае «добро и зло» логически предшествуют выбору. Их следует иметь в виду, делая выбор, привлекая для этой цели знания, которыми обладаем.

Вот что можно и надлежит прочитать в оставленном предками предании. Творчество, свобода, выбор, добро и зло образуют единый проблемный узел, в который стянуты вопросы существования, не исключено, что и ухода человеческого рода. Все они суть предметы исторического мышления, раздумий, убеждений, идеологий, верований и Заветов, то есть истин, адресованных потомкам. Заметим, что на поставленные вопросы каждое время пытается дать собственные ответы, глядя на них с вершины исторического опыта. Вершина, правда, скользит по оси времени, унося окончательные ответы в неопределенность будущего. Мы, таким образом, живем в мире, которым управляет время и о котором узнаем то, что оно нам позволяет узнать. Даже откровения,

даже слова Бога меняют смысл, обогащаются творческой свободой истолкований, свободой нашей субъективности и субъективного выбора из разных толкований. Но это еще не все сюрпризы, которые несут моей субъективности различные времена, сознанию, определяющему бытие. Мои идейные предки соотносились с Иисусом из Назарета. Но кроме Христа были еще Моисей, Соломон, а также Будда, Шаохао, Вьяса, Вальмики-Адикави, Вишнамитра, Конфуций, Лао-Цзы, Заратустра... Пора переходить ко взгляду на прошлое из своего сегодня. Но прежде позвольте замечание методологического свойства.

Тема, которая изначально казалась довольно простой, постоянно усложнялась в процессе раздумий, распадаясь на ряды кардинально разных проблем и совсем не очевидных вариантов решений. Что съесть сегодня на обед? Простой вопрос, если на стол подадут мясо «чистых животных». А если нет, если уже сделан выбор во славу Аллаха, а не Иеговы или я вообще поклоняюсь чему-либо, запрещающему мясоедение? Переходить или не переходить Рубикон? Жребий брошен, и конец демократии в империи. Выбрать Париж или мессу? Похоже, большинство последовало бы примеру Генриха Наваррского. Вот выбор, который касается только меня и нескольких заинтересованных лиц, – выбор спутника жизни. Но если меня зовут Шах Джahan, а супругу Мунтаз Махал, то последуют великие беды для индуизма и Индии и великолепное бессмертие Тадж-Махала. Или возьмите проблемы династических браков в истории с их случавшимися муже-, отце- и детоубийством. Все это, повторюсь, кардинально различные проблемы, а если присовокупить много здесь не названных, но вполне каждому знакомых, то станет ясно, что собрать воедино все их сегменты можно только в очень абстрактной теории.

Или представить, собрать их в форме методологии, понимая последнюю в качестве особого способа мышления, отличительным, существенным моментом которого является отсутствие окончательных решений, но предполагающим несколько возможных. Я выбираю этот вариант представления теории выбора, как более уместный в свете поставленной себе задачи. Своими любимыми словами и словосочетаниями в статье я объявляю «возможно», «может быть», «если, то», «похоже»...

А пока я намерен обратиться к методологии в вышеозначенном смысле этого понятия, как к особому способу мышления, а в качестве предмета для собеседования предложить результат самопознания в той его части, которая относится к существенным сторонам моего типичного ума.

В той мере, в какой я являюсь европейцем, мои идейные истоки следует искать у берегов Мертвого моря и греко-римского Средиземноморья¹, а значит, в моем уме должны сочетаться и причудливо сочетаются Библия и логические трактаты Аристотеля («Учителя»). Библия задавала и задает поныне ценностные ориентиры культуры, трактаты, позднее названные «Органомом», требуют их рационального обоснования (см. Бл. Августин, Фома Аквинский). Во мне присутствуют античная уверенность в изначальной гармонии мира, в возможность ее рационального обоснования, идея римского права и то, что с большим трудом вписывается в рациональную реальность: вера в казненного на Голгофе Бога, провозгласившего Любовь на все времена. Я – европеец и главным образом европеец, даже если, подобно выдающемуся сыну «Серебряного века» Александру Блоку, объявляю себя скифом и азиатом: «Да, скифы мы, да, азиаты мы... попробуйте сразиться с нами...» Во всяком случае мои братья по разуму и поныне воздвигают храмы, ищут в себе следы Божественного присутствия, а также возносят хвалы природе, отыскивая с помощью логики, математики, естествознания, науки доступную гармонию мира, слушают «музыку сфер». Даже если я – атеист, я – греко-христианский атеист. В душе моей светится христианский моральный кодекс, а ум обожествляет природу.

Можно сказать, что, питаюсь из обоих источников, я исповедую и принимаю некую многозначную, вероятностную логику христианства². Я разворачиваю для себя систему (логику) смыслов, где можно встретить многозначность и многозначительность, возможность противоречивых толкований и совместимость противоположностей. Возможны трансформации и мутации смыслов. В разных исторических обстоятельствах, как уже отмечалось, возможны разные прочтения текстов. В Библии можно без труда отыскать все эти «потенции».

Мимо меня проходят Вьеса, Шаохао, Вальмики-Адикави... но я нахожу много общего и возможность диалога с иными идеями и верованиями явно не европейского происхождения, кроме фана-

тичных учений и тотальных идеологий. Бог один, но путей к нему много. Я могу с пониманием отнестись к стремлению вознестись в токах энергии индуистов Шакти или к желанию хорошим поведением в ряде перерождений заслужить безмолвие и высшее состояние сознания в нирване. Не стану осуждать сторонников какой-либо из «авраамических религий». Словом, диалог возможен и желателен. Все приемлемые религии едины в своем стремлении различить добро и зло и похожи в своих моральных заповедях. Например, от ислама меня более всего отделяет заповедь, запрещающая азартные игры и употребление «горячительных напитков». Но, мне кажется, иные мои сограждане из мусульман одно из различий уже начинают стирать.

Невзирая на разное понимание дороги, ведущей к храму, любая мировая религия зовет к познанию, к свободе, к любви. Правда, истина чаще всего ограничивается рамками своей религии, свобода духа должна быть дисциплинированной, а любовь охватывает только узкий круг единомышленников. Поэтому и возникает нужда в диалоге. Чтобы обосновать и пояснить проделанный ранее свободный выбор. Якобы свободный...

* * *

Как уже отмечалось, проблема выбора сопровождает весь период человеческого сознательного существования. Возможно, оно и началось с выбора. Продолжая «традиции» биологической революции, последний стал существенной характеристикой, атрибутом бытия человека с тех пор, когда сознание взялось корректировать инстинкты. Совсем недавно, в последние тысячи лет, человек стал личностью, и многое в нем изменилось. Поле возможностей для свободного выбора значительно разрослось культурами и лучше возделано, как мы сегодня не без гордости соображаем. У нас провозглашаются свобода вероисповедания, право наций на самоопределение: мы можем выбрать политическую платформу, партию, к которой примкнем, президента, за которого можно отдать свой свободный голос. В отличие от наций, платформы и партии можно менять. Для отдельного персонажа, правда, жизнеориентация и ее смена далеко не всегда являются результатом свободного выбора, зато

он всегда может выразить несогласие, даже протест действием или оставаясь в пределах внутренней свободы мысли, что чаще всего и случается. В общем, в этом надлежит разбираться.

В мире, управляемом временем, все, что однажды возникло, имеет свой неизбежный конец. Время дарует возможность выбора и лишает нас его. Земное, телесное бытие человека в итоге оказывается трагичным. На мне лежит печать, давит пресс неизбежного конца. Давит на моих друзей и близких. У нас нет выбора, здесь кончается наша свобода. Но это еще полбеды. Можно рассчитывать на жизнь в потомках, в памяти людей и даже поколений. Трагедия в том, что выбора нет у всего человеческого рода, над которым также висит неотвратимость исчезновения. Можно сколько угодно глубокомысленно и изобретательно отслеживать варианты «антропного принципа», начиная с мировых констант, сингулярности и Большого взрыва – это не отменит нашей космической обреченности. Сама наша Вселенная перестанет быть таковой то ли вследствие перехода вещества в излучение, то ли из-за Большого сжатия и коллапса всего пространства и всей материи. Так утверждают современные космологические гипотезы. Впрочем, они утверждают еще много любопытного о вселенных разных измерений, свернутых мультивселенных, вселенных с отрицательным направлением времени и т. д., но они нас интересовать не должны как не имеющие отношение к проблеме моего выбора. Пока не имеющие. Зато к этой проблеме имеет отношение такое соображение-вопрошание. Зачем, имея в виду космическое исчезновение моего рода, зачем мы стремимся узнать, что было за миллиарды лет до нас и что будет через миллиарды лет после нас? Затем, чтобы знать, кто мы сегодня! Затем, что предпочитаем знание невежеству. Затем, что трагедия рода – это оптимистическая трагедия.

«Много есть чудес на свете,
Но чудесней человека нету в мире никого», –

уверял поэт, драматург, «отец трагедии» Эсхил.

С Востока его поддержал Омар Хайям:

«Мы – цель и высшая вершина всей Вселенной,
Мы – наилучшая краса юдоли бренной...»

Наш оптимизм до известной степени поддерживает достаточно долгий срок возможного существования, за который может произойти и уже происходит много неожиданного в мире реального и в познании. Сегодня реальность физиков множится и умножается настолько, что стираются грани между нею и вымыслом. Мы воспринимаем только одну из реальностей, причем не самую сложную, уверяют нас. Существуют параллельные миры, и общение с ними, и путешествия туда возможны, как и сигналы и информация из будущего. Представляете, какие открываются перспективы для выбора? Названы, обозначены не самые фантастические из гипотез. Критерий существования размыт и крайне либерален.

Где здесь чистый вымысел, а где не сдержанная ничем, кроме математики, мысль, я лично судить не берусь, но в любом случае гипотезы суть порождения творящего времени. Напомню отмеченное Ильей Романовичем (Илией Рувимовичем) Пригожиным (Нобелевская премия за 1977 г.) свойство времени создавать из хаоса порядок³. Везде, где есть диссипативные (неравновесные) структуры, включаются механизмы самоорганизации с характерными моментами раздвоения (бифуркации) возможного пути, а значит, и выбора. Это фундаментальное свойство физических систем продолжается в биологии и социологии, и мы знаем, что там, где есть возможность выбора, есть и надежда.

Пригожин был атеистом, но, похоже, люди никогда не откажутся от древней традиции связывать смысл собственного существования и надежду на вечную жизнь с верой в Предвечного. Хотя можно, конечно, оправдать наше появление в мире космических явлений и без веры в сверхъестественное, тем более, что такое оправдание может совсем не противоречить самой искренней вере в Создателя. Как и наоборот: вера в Творца может совсем не противоречить еще и космическому оправданию нашего появления во Вселенной. Современная наука отрицает существование Абсолютного Наблюдателя, хотя не знаю, чем он ей помешал, а значит, отрицает и Абсолютную Истину, что, похоже, следует из истории познания.

Успехи в понимании того, что лежит в пределах и за пределами «юдоли брэнной», подвигают к пониманию того, что мысли и сознание являются моментами самопознания Вселенной, в особенности если мы, вопреки Дж. Бруно, одиноки и уникальны в ми-

рах вещей и энергий. Задание не из простых, но, если исполнится, это вполне оправдывает наше появление из глубин Космоса. Но вот наше моральное оправдание, точнее самооправдание, зависит от того, сумеем ли в полной мере использовать отпущенные для этого космические и биологические сроки. Может статься, что мы окончим жизнь каким-либо из вариантов суицида, самым невинным из которых является создание систем такой степени сложности, когда их поведение становится непредсказуемым для думающих андроидов, рядом с которыми нам едва ли найдется место. Едва ли найдется место для наших миров поэзии и прозы, звуков и красок, толкования мировой гармонии. К ним перейдет право на выбор.

Еще более печально, если «свобода творчества» занесет нас куда-нибудь дальше «века физики» с такими его изобретениями, как термоядерная «слойка» выдающегося физика и гуманиста А.Д.Сахарова, достижениями химии, биологии и других наук – с внедрением в производство нервно-паралитических газов, бактериологического, психотропного и иных подобных способов разъяснить собеседнику собственную позицию. Занести нас может в век нанотехнологий с его значительно большими возможностями продвижения в отмеченном здесь направлении. Может быть, уже занесло, моей свободной мысли никто не докладывал. Но я продолжаю далее свои изыскания в области свобод и выбора в надежде на то, что каким-то образом всему человечеству удастся избежать преобразования отмеченных потенциалов в прискорбную для всего планетарного биоса актуальность. Но если сбудутся прогнозы «трангуманистов» и люди в итоге обретут бессмертие микрочипов, компьютерных программ и заменяемых металлоконструкций, то теряют смысл все мои предшествующие и последующие упражнения ума.

Задача морального оправдания нашего существования не становится менее сложной. Более того, она разрастается до глобальных масштабов, до настоятельной необходимости включить древнее «золотое правило нравственности», категорический императив и общечеловеческую мораль в мировое сознание.

Самым бесспорным повелением своему народу, человеческому роду, которое «из среды огня, облака и мрака (и бури) громогласно» изрек Господь на горе Синай и для верности записал на каменных скрижалях, была заповедь «не убивай». Сколь труд-

на она для исполнения, не подозревал тогда ни вождь и воитель Моше-Моисей, ни народ его, выведенный из рабства, из плена египетского. Не подозревали и не понимали они, что прикоснулись к самому главному и фундаментальному выбору, который тысячелетия будет сопутствовать человеческой истории, творить и определять ее. Это выбор войны и мира. От выбора и от «убий» пока не могла уклониться ни одна самая человеколюбивая религия, поэтому наши опасения безвременной кончины рода вовсе не напрасны. На «убий» тратятся колоссальные средства, работают лучшие, самые продуктивные ученые умы, государства, а «непротивленца», поборника мира Льва Николаевича Толстого отлучили от Церкви. Ни один мир не воспевался в таких поэмах и сагах, как это случилось с войнами.

Возьмем первую из мировых войн, которые нам известны. Имеется в виду война между Европой и Азией с участием эфиопов и даже отряда амазонок, которую воспел Гомер. Независимо от того, был ли он подлинным автором «Илиады» и «Одиссеи», сочинение является непревзойденным шедевром, в котором присутствуют большинство человеческих страстей, если не все: любовь, верность, мужество, доблесть, ревность, тщеславие, коварство и иные. Мы многое узнаем о природе человека. Миф смешивается с реальностью и содержит немало нравоучительного. Но и аэд Гомер совсем не осуждает ахейцев за затеянную войну, охватившую весь тогдашний «цивилизованный мир». Мы от Гомера отличаемся тем, что не считаем войну просто следствием несовершенства боговолимпийцев и слепого рока. И то хорошо!

Не убежден, что за несколько ближайших поколений мировому сообществу удастся окончательно и в положительном смысле решить проблему выбора между войной и миром. Разве что снизойдет на него «полный коммунизм» или, еще лучше, в мир явится «святой город Иерусалим, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего», и «смерти не будет... ибо прежнее прошло» (Отк. 21, 2). Но лучше, не дожидаясь, когда «ангел вострубит», уже сегодня сотворить многополярный мир и загрузить мировой Нус новым содержанием. Потребуется, ясное дело, взаимокоррекция интересов. Еще хорошо бы вспомнить учителя Лао: «Путь в тысячу ли начинается с одного шага».

С другими заповедями, выбитыми Господом на скрижалях, дело у нас в России обстоит не лучше, чем с «не убий». Да и пожелание «не убий» относится не только к войне и миру, но и к развитой отечественной уголовной практике. Сейчас я намерен сказать несколько слов о заповеди «не укради», о не всегда очевидном выборе между законом и беззаконием. Напомню, что в России всегда были сложные отношения с правом, начиная с царей и цареубийств, кончая «голью кабацкой». А между ними сановное воровство и воспетые в преданиях разбойные казаки, вроде Разина и Пугачева. Словом, жили не по закону, а по понятиям и по «совести». Возвращаясь к «не укради», хочу отметить, что внедрить в народное сознание эту заповедь едва ли возможно, если сеять семена ожиданий на каменистую почву современной реальности. «Укради» сегодня – это системообразующий фактор и присутствует в российском общежитии везде, где коррупционная составляющая вмешивается в движение бюджетов, финансов, товаров и канцелярских, полицейских, медицинских и иных услуг населению. Коррупция бывает сопровождает человека от роддома до морга и далее. Выбирает ему кладбище.

В феврале–марте 2012 г. состоялись выборы Президента РФ, в ходе которых российским народам наговорили много лестного кандидаты в президенты со товарищи. Было заявлено, что наш общий паровоз вперед летит на всех парах, продвигаясь к остановке под названием «гражданское общество». Последнее поручило своему избраннику еще шесть лет контролировать правительство, администрацию, парламент, суды, прокуратуру, а также армию, полицию, спецслужбы и весь комплекс внутренних и внешних политических отношений. В общей сложности народ поручил одному своему избраннику держать скипетр (посох по-нашему) демократии и находиться у кормила государственного корабля в течение восемнадцати лет. Пока. Столько ни один генсек, исключая тов. Сталина, у власти не удерживался. Но это еще с трудом, но допустимо. «Гражданские общества» переживали разные исторические метаморфозы. Но вот что поражает мое воображение: «Гражданское общество», которое изнутри разъедает коррупция, – это что-то новое, это наш оригинальный вклад в мировое развитие и в историю политических учений. И это еще не все, здесь рано ставить точку. Обратимся к главному.

Как можно понять, опираясь на собственные наблюдения, отслеживая на этот предмет средства массовой информации, взятки и подкуп образуют устойчивые системы связей, вертикали и горизонталы, «творят» специфические социальные группы со своей психологией, ценностными установками и интересами. То есть мы имеем дело с особой онтологией, достойной внимания аналитиков. Отмеченный системный характер криминального фактора образует сферы влияний в области экономических отношений и политического управления. Да, чуть не забыл о давних связях между нашим финансово емким и сексуально дезориентированным шоу-бизнесом и уголовными структурами. При всем при том верхний этаж политической власти старательно не замечает системного, фундаментального характера российского воровства, которое не желает исчезать, невзирая на предпринимаемые усилия и гуманизм вроде отмены смертной казни, в том числе, за хищения в особо крупных размерах, отмены на зависть всем американским клиентам «электрического стула» или террористам в Белоруссии.

Вовсе не хочу сказать, что в океане воровства и коррупции нельзя отыскать острова, архипелаги и даже материка честности. Можно, но не они определяют климат, и именно воровство и коррупция должны быть положены в фундамент памятника под названием «Благие намерения». Предстоит долгий путь изменения сознания, которое наступит не иначе, как вслед за изменением групповых интересов и упомянутой скрытой онтологии. Каким образом этот путь прошагать, давайте думать вместе, не возлагая эту обязанность на одного только выдающегося Президента, министров-капиталистов и лучших в мире законодателей с полковником В.В.Жириновским. Может случиться, что совместные раздумья и есть начало дороги, которую следует одолеть. На ней, возможно, станет формироваться новый духовный мир наших внуков и правнуков.

Постоянно заново толкуя и перетолковывая прошлое, не мудрено утратить всякий контроль над будущим, которое и без того неоднозначно. Мы лишили свое настоящее мечты (чему способствовали былые «водители»), не придумав взамен ничего нового. Вместо этого получили Ельцина в Кремле, о котором я, повинувшись указаниям древних, не говорю ничего. Еще мы получили новый бомонд из парвеню и многое другое, хорошо известное. Из прежней коммунистической идеологии мы оставили только мечту

о высоком уровне потребления, отбросив библейские заветы о равенстве и справедливости. Поскольку все равно всего на всех не хватит, следует на основе «укради» отдельным лицам «догнать и перегнать Америку».

Пожалуй, в очередной раз придется начинать все сначала. Но, возможно, мы стали лучше понимать собственную историю. Будем надеяться. Может быть, на этот раз начнем с реформ, а не с экспериментов. Еще раз вспомним Лао-цзы насчет движений в тысячу ли. Мы опять перед выбором и обязаны понять, перед каким именно. И, похоже, время обратиться к другим, более обнадеживающим заповедям, стоит продолжать движение, имея в виду заповедь «возлюби».

Спаситель Иисус из Назарета значительно более других радикален и настойчив. Перед лицом Отца, учит Он, «нет ни эллина, ни иудея, ни бедного и ни богатого». Но более всего Он настойчив в рекомендации «возлюби»: «А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5, 44). До Божественного понимания любви мне, признаюсь, далековато, но зато я имею возможность и желание говорить о любви не столь небесной и возвышенной. Хочу кое-что сказать о своем отношении к Отечеству, к России. Правда, сразу же возникает вопрос: о какой любви идет речь? О любви в ее всепрощающем, религиозном, евангельском или в античном, греческом, рациональном толкованиях. Второй вариант делает крайне затруднительным та часть российской истории, которую при всем желании вряд ли можно назвать разумной, хотя места для самопожертвования и героизма в ней и тогда, и всегда хватало, как и подвигов в борьбе за веру.

Немного отвлекусь и во избежание недоразумений отмечу, что наша греко-христианская типология ума вовсе не означает единомыслия и отсутствия индивидуального своеобразия. Скорее, она указывает на общее историческое происхождение отдельных компонентов национального сознания из таких источников как греко-латинские школы, Славяно-греко-латинская академия, готовившая кадры для нужд государства и церкви (вторая половина XVII в.). Позднее общеобразовательную функцию по обучению сельского населения выполняли церковно-приходские школы. Как правило, они имели замечательные библиотеки, содержащие не только цер-

ковную, но и светскую литературу. В основном они были в известное время разграблены, что также проливает определенный свет на российскую любовь и рациональность.

История государства Российского знавала погромы, бунты, мятежи, революции и гражданские войны, в отношении которых я и мои сограждане никак не приходим к единому мнению. История Родины знала «смутные времена», последнее из них теперь называют «лихие девяностые». И опять мнения расходятся: на одном полюсе значится массовое ограбление, на другом – борьба за демократию и рынок; на одном – развал державы и миллионы русских, в одночасье ставших «оккупантами» и изгоями, на другом – возвращение России в «мировую цивилизацию».

На уровне общественного сознания мы пока не в состоянии осмыслить всех последствий нарушения «равновесия диких сил», разрушения послевоенного миропорядка. После распада СССР он рухнул навсегда, и многие не понимают, что мировое сообщество вступило на порог неизвестности и непредсказуемости. Не думаю, что эта проблема совершенно прозрачна для наших аналитиков. Кстати сказать, насколько мне известно, никто еще всерьез не изучал вопрос о том, в какой степени развал державы повлиял на антропологию российского человека, на уровень самосознания народов, русского в частности, на алкоголизм, наркоманию, уровень крупного и мелкого воровства, на регрессивные тенденции в области культуры. Никто не изучал, как этот «демократический» (вопреки референдуму) акт повлиял на чувство государственного достоинства личности и отразился в малопонятной сфере «коллективного бессознательного».

Но давайте скажем об известном, несомненном и важном: Россия – мировой чемпион ушедшего столетия по количеству загубленных жизней. Оставим без комментариев мировые войны и цену, заплаченную за Победу. История российских народов в двадцатом столетии весьма обильна смертоубийствами, вину за которые следует в основном и главным образом объяснять внутренними причинами. Таковы революции, или «перевороты», и гражданские войны начала и конца века. Войну на Кавказе никак не желают завершить остатки бандформирований и террористы. По всему по этому «Какую Россию мы выбираем?» – вопрос не праздный, достойный обсуждения во всяком случае.

Совсем недавно, если в историческом масштабе, мы выбрали руководителем страны тов. Сталина. «Этот повар будет готовить только острые блюда», – предрекал будто бы тов. Ленин. Действительно, при нем осуществили электрификацию и индустриализацию, добились «ликвидации безграмотности». Создали самую сильную сухопутную армию тогдашнего мира и военно-морской флот, но при нем же была сооружена преисподняя ГУЛАГа, и он же «приперчивал» управление арестами, расстрелами, страхом, истреблением отдельных социальных групп и классов; гонениями, депортацией, переселением народов. Еще он заслужил народную любовь, стенания и плач, много раздавленных во время похоронных шествий и яркую прощальную речь Лаврентия Берия: «Но и под этой великой тяжестью не согнется стальная партия». Многие, включая руководителя КПРФ, и ныне воздают должное, славят сталинское строительство социализма и Верховного Главнокомандующего. И многие до сих пор не возьмут в толк, что сколоченное насилием государство обязано было развалиться и развалилось еще и оттого, что некогда на его территории свирепствовали и унижали народ активисты из служб Ягоды, Ежова, Берия и подчиненных им войск, насаждавших доносительство и повальное единомыслие.

Еще раз хочу подчеркнуть, что любовь моих сограждан к Отечеству не может основываться на одних только рациональных соображениях – слишком много надо соображать о неприглядных сторонах настоящего и прошлого. У меня не меньше оснований для критических оценок, чем у революционного демократа, эмигранта, автора романа «Былое и думы» Герцена. Возьмем, скажем, мои мысли о государстве, учитывая, что оно не просто огороженная погранвойсками и заселенная территория, но главным образом это ряд определенных социальных групп, объединенных властью для управления народом и территорией. В состав государства входят спецслужбы, армия, полиция, столетиями входила Церковь, но основной управленческий массив образует служилый люд или чиновничество, о которое напрасно обламывали сатирические перья М.Е.Салтыков-Щедрин, А.П.Чехов или упомянутый Герцен. Напрасно, потому что чиновник – самый верный из состава государства союзник власти. В определенном смысле он и есть власть в России, причем анонимная, которая сегодня управляет народом не меньше, чем всенародно избранный «гарант», и, конечно, больше, чем Конституция.

Мои думы о былых государствах, которые мне довелось пережить. Я думаю о том, что не всякому из них я вручил бы недра и водоемы России, не каждому доверил бы собственную судьбу. Но более всего мне хотелось бы соорудить более достойное государство, которому можно было бы что-то вручить и доверить. Замечу, что критическое отношение к социальным установлениям и стремление видеть в них строительный материал для более совершенного и разумного будущего уходит корнями в античность, ведет к моим идейным историческим праотцам. Но если не удастся построить ничего похожего на идеальное государство Платона, или Канта, или Гегеля, то лучше быть вовсе отделенным от него, как Церковь.

В истории моей страны и населяющих ее народов происходило много возвышенного и замечательного. Она отмечена героизмом и подвигами, о которых обязаны помнить мы и грядущие поколения. В двадцатом столетии и прежде, как и в иные времена, создавались шедевры оперы и балета, живописи, архитектуры, театра, кинематографа и т. д. Но я в данном случае толкую о другом, о заповеди «возлюби», не взывая к которой, сложно объяснить нашу привязанность к России. Как минимум Россия должна провоцировать противоречивые к себе отношения, и, действительно это так. Например, наша теоретическая и прикладная физика, кроме упомянутой «слойки», изобрела атомную энергетику и еще многое что и проникает в другие области знаний, где используют ее достижения и методы. Но ныне мы (от «бескормицы») наблюдаем начинающуюся деградацию фундаментальных наук. Жаль, потому что впереди ждут тайны «темной материи» и «темной энергии». А у нас «бегство умов» и утрата престижа ученых профессий. Вы не находите, что когда рядовой полицейский генерал в престижном и финансовом отношении «главою вознесен» выше ученого-академика РАН – это признак надвигающейся гуманитарной катастрофы?! Не единственный, конечно.

Мне не по душе такие свидетельства упадка, как тенденция раздувания полномочий Президента РФ, внедряющего малоэффективную властную вертикаль администраторов и исполнителей высших решений. Это при урезании полномочий законодательной и при большой проблемности судебной властей. Так, не является большой тайной, что глубина и обоснованность судебных решений часто главным образом зависит от величины карманов уча-

ствующих в процессе лиц. Нас должно успокоить то, что решения судов во многих случаях попросту игнорируются гражданами нашего оригинального правового государства. Должно, но не успокаивает, так же как не воодушевляет возможность благодаря существующей коррупции найти быстрое решение проблемы, которое иначе заволокитилось бы огромным количеством «необходимых» бумаг и массой согласований. Замечу, что все это мы имели, когда во главе государства пребывал всенародно избранный юрист, уже вошедший в историю переименованием милиции в демократическую, цивилизованную полицию.

Конечно, такого рода заслуги нельзя приписывать одному только действующему тогда президенту. Как минимум он должен разделить их со сменщиком, с тем, кому он пришел тогда на смену из правительства в президентство, кто пришел ему на смену из президентства в правительство, кто сегодня пришел ему на смену из правительства в президентство и кому он пришел на смену в правительство. Кажется, я ничего не перепутал... Наша демократия хороша, но не предел совершенства. Скажем, демократия Спарты, как у нас, во многом обеспечивалась нищетой и трудом илотов, но Спарта была более «демократичной»: там выбирали сразу двух «президентов» – царей, и каждый был на своем месте. Пока царь Леонид, спасая Грецию от разграбления, сдерживал огромную армию персов в Фермопильском ущелье, второй с войском сторожил в Спарте илотов, опасаясь возможной демократической смуты.

Может быть, и нам стоит освободить илотов и иной рабочий люд от изнурительной необходимости избирать и переизбирать и без того известных персонажей? Когда Николай II, идя на поводу у либералов, провозгласил избирательное право, оно было заявлено «всеобщим». Все имели право голоса, кроме детей, малых народов и женщин. Еще и еще раз вслед за поэтом повторю: «Умом Россию не понять... В Россию можно только верить».

«Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой», –

толкует Лермонтов «под говор пьяных мужиков». Ну, а какой еще любовью, кроме странной, мог любить отчизну поэт Пастернак, с которого начался разговор о всепобеждающей силе духа добра, и подавляющее большинство других поэтов, вечно конфликтую-

щих с властью?! Иное дело, что «духу добра» суждено еще долго блуждать по дорогам истории, прежде чем он явится в полном объеме. В «Грядущем Хаме» Дмитрий Мережковский разъяснил, что власть Божия как истина явилась в Ветхом Завете, в царстве Отца; во втором царстве – Сына, Новом Завете, открылась истина как любовь. И только в последнем царстве – Духа, в Грядущем Завете откроется любовь как свобода.

Пока нам приходится существовать в «царстве любви». Наверно, оно сильно владело и продолжает владеть христианскими умами, если провозглашалось и после того, как православный народ почти отверг православие и вырезал или изгнал несогласных. Точнее, не народ, а его некая значительная социально активная часть.

Заслуженно сегодня уважаемый проф. Иван Александрович Ильин в 1951 г. (февраль) написал статью «О русской идее», изданную на ротаторе. В наиболее «трудную и опасную эпоху русской истории» он утверждал, что русская творческая национальная идея, выражающая русское историческое своеобразие и историческое призвание, есть «идея сердца». «Она утверждает, что главное в жизни есть любовь», что «из любви рождается вера и вся культура духа». Она, в отличие от иудаизма и национализма, не требует повиновения от других. Основываясь на христианстве православия, она преклоняется не перед «силою» (первобытные религии) и не перед подчиненным закону догматическим моральным правилом, не мыслью, как протестантизм. Русское православие воспринимает Бога любовью, что определяет церковные песнопения и архитектуру.

Сердце и созерцание русской идеи требуют свободы. Их творчество без нее угасает. «Русская идея есть идея свободы созерцающего сердца», «свобода не для саморазнуждания, а для органически творческого само-оформления»⁴.

Теперь, объяснившись с помощью уважаемых предков в любви к России, хочу присоединиться к их пожеланиям свободы и творчества ее жителям. Присоединиться хочу, но не очень у меня получается. Подобно остальным моим современникам, я мню себя находящимся на вершине опыта. Смушает, правда, что в генетическом отношении ничем не отличаюсь от охотника на мамонтов. Конечно, я знаю, чтобы выбрать свободу и творчество, необходимо хотя бы минимизировать влияние тех российских пороков, о

которых речь уже заходила. Существует еще глобальное измерение, в которое вписываются российские проблемы, решение которых пока не слишком вдохновляет. На глубинный вопрос Эриха Фромма: «Иметь или быть?» – мировое сообщество пока отвечает: «Иметь!» не только имущество и финансы, но и знания для контроля и обладания. Стратегия иметь и обладать чревата не только такими последствиями, как «продолжение политики иными средствами» (В.И. Ленин), т. е. война, но и такими, как антропогенная катастрофа вслед за необратимыми изменениями биосферы. Не думаю, что от этих угроз может спасти одна христианская любовь. Надо актуализировать и подключать сферу Разума, науку и новую рациональность.

Но здесь я обязан подняться на новый виток спирали обсуждаемой темы. Приступаю к завершающему, возможно, самому сложному этапу и своего обсуждения, к решению той задачи, какую перед собой ставил в рамках статьи и своего разумения. Мне надо обратиться к пониманию того, как выглядит и решается проблема выбора с позиции определенной философии истории.

* * *

Понятие «история» полисемично. Мы называем так некий ряд событий (процессов), случившихся в определенный отрезок времени человеческого существования. Мы говорим «история», имея в виду память об этих событиях-процессах, сохранившихся в преданиях, в мифах и сагах, в различного рода письменах. Наконец, под историей мы подразумеваем науку, а правильное, систему наук, с помощью которой люди пытаются рационально реконструировать и обогатить память о собственном прошлом, чтобы понять настоящее и заглянуть в будущее. Мы пытаемся разделить истину и вымысел, но удается это далеко не всегда.

С появлением теории относительности и квантовой механики физики поняли невозможность отделить событие в микромире от наблюдателя этого события. В истории утвердить эту истину значительно сложнее, даже если это история физики. Честь и слава, например, всем великим отечественным историкам, но история Н.И. Костомарова отличается от истории Н.М. Карамзина, не

говоря уже об истории в изложении М.С.Грушевского. Кому мы отдадим свой голос, кого выбрать в наставники? Незаслуженно сегодня почти забытый историк Михаил Яковлевич Гефтер, человек трагической судьбы, писал: «Любой народ, любая страна – заложники своих начал. Мы же не страна. Мы – страна стран. Мы наследники сугубо разных начал. Мы – кентавр отроду, встроенный напрямую в мировой процесс. Отсюда наша особая зависимость от судьбы тех проектов, суммарное название которых – “человечество”; “единственное человечество”. Проекты “пришли к истощению, к тому завершающему итогу, где жертвы, уже нанесенные и угадываемые впереди, перевесили добытое во благо”»⁵. Запомним о жертвах, угадываемых впереди.

Со времен М.Я.Гефтера мы изрядно похудели по части «страны стран», но рациональности в понимании исторического процесса отнюдь не прибавилось. Иначе не продолжали бы мы с таким незавидным постоянством пересочинять собственную историю. Неорациональность должна учитывать присутствие познающего субъекта в познании, что и происходит в физике элементарных частиц. Правда, она платит за это непроясненностью термина «сознание». Научной непроясненностью понятия, следует отметить. В области истории присутствие «когито» является глубинным, но не исчерпывающим фактором процесса – из этого проистекает вся сложность исторического выбора. Не каждый из нас физик, но каждый – историк. И каждый привносит в понимание истории часть своего «я». Трудность еще и в том, что на «я» могут оказывать деформирующие влияния иные, чем «когито», факторы, главным из которых является власть. Последняя проникает в головы, рекомендует и формирует «логику идей» и «убеждения» – отсюда конфликты власти и интеллигенции. Но и освободившись от влияния власти, точнее, властей – политической, финансовой, власти «незыблемого авторитета» и прочей социальной «постнеорациональности», мысль все-таки привносит «человеческий фактор» в трактовку и отбор исторических событий тем более и потому, что полное освобождение может быть только в фантазии.

Чтобы освободиться от этой всепроникающей назойливости произвольного «я», следует строго придерживаться рекомендаций гениального Канта. Он советовал мыслить самому, непротиворечиво, смотреть на собственную мысль глазами другого, то есть

стать гражданином мира. Есть еще, скажем, восходящий к нашим греческим учителям «диалог» как способ отыскания истины, но ни один, ни все вместе эти способы не ведут на вершины непогрешимости, хотя каждый отстаивает право на классическую и неклассическую рациональность. Возможно, потому что непогрешимость не допускает устройство природы, лишенной Абсолютного Наблюдателя.

Напомню, что я взялся за тему и рассуждаю о «философии истории», а это понятие является не более прозрачным, чем «история». Но оно определенно включает представления о характере и движущих силах, о месте различных культур и цивилизаций в отдельных периодах и в общем потоке истории; отвечает на вопросы о ее предопределенности, познаваемости и предсказуемости. Философия истории обязана предложить ответы на вопросы: каковы цели, в чем назначение и смысл, «идея» человеческого существования? Она обязана рассказать о начале истории и о ее возможном завершении и неизбежном конце.

По вопросам предыстории, появления и хода истории я, пожалуй, отошлю Вас к работам крупнейшего специалиста по этим проблемам Владислава Жановича Келле, в частности, к работе «Историческое многообразие как проблема методологии», опубликованной в сборнике «Человек вчера и сегодня» (Вып. 3). Я же, сообразуясь с собственными мыслями, стану считать началом истории время, когда из недифференцированного сознания стали вычленяться особые парадигмы. Я говорю, как Вы понимаете, об «осевом времени», предложенном Карлом Ясперсом. Тогда на Востоке и Западе создавались представления о добре и зле, как о способах регуляции поведения, отличных от примера и обычая. Тогда формировалось упоминавшееся «золотое правило нравственности»: «Поступай с другим так, как хочешь, чтобы он поступал с тобой».

С тех пор мы шагаем путями добра и зла по столбовым дорогам и бездорожью жизни. Дошли до дуализма добра и зла, до извечной борьбы Христа и Антихриста, Ормузда и Аримана, света и тьмы. Дошли до понимания неизбежности, даже полезности теней, как Воланд Михаила Булгакова, как дошли до этого Гейне в «Путевых картинах», Анатолий Франс (Тибо) в «Саде Эпикура», Вольтер (Мари Франсуа Аруэ) в книге «Задиг, или Судьба», маркиз де Сад в «Новой Жюстине» и многие другие.

Никто, полагаю, не станет возражать против того, что выбор в той мере, в какой он является сознательным, зависит от типа сознания, участвующего в нем, от ценностных установок и предпочтений, от, так сказать, направлений ума – от направленности его на объективную реальность и факты или ориентации на идеалы. Но, возможно, все это в одном уме перемешано.

Много говорили и говорят о соотносительности, взаимозаменяемости, взаимопользности добра и зла, о том, что только наличие последнего делает первое осмысленным. И вот для добра мы убиваем друг друга в войнах, для собственной пользы позволяем индустрии осуществлять неконтролируемые выбросы угарного газа, диоксида углерода в атмосферу и пр., чреватые «парниковым эффектом», «ядерной зимой» и другими (для блага) вариантами экологической катастрофы⁶. К ней нас ведет неконтролируемая сознанием эволюция. Возможно, нам не удастся пройти весь путь от альфы до омеги, обещанный антропологом, эволюционистом, католиком о. Тейяром де Шарденом.

Мы подошли к центральному вопросу сегодняшнего человеческого выбора: «Быть или не быть?» Полагаю, что исторический выбор – это не одномоментный или краткосрочный акт, осуществляемый одним лицом или небольшой группой лиц. Последние могут только нажать спусковой крючок механизма, выстроенного и подготовленного массовыми движениями. Движениями во времени коротком, если учитывать сегодняшнее уплотнение исторического времени.

В конце прошлого столетия человек выдающегося, универсального ума, охватывающего математику, физику, биологию, обществознание, историю мысли, и большой друг философии академик Никита Николаевич Моисеев написал книгу «Быть или не быть... человечеству?», которую нет смысла пересказывать, но следует прочитать. Подобно другой, написанной четырьмя годами ранее работе «Современный рационализм», она не только не утратила смысла, но стала еще более актуальной. Исходя из собственного понимания универсального эволюционизма, Н.Н.Моисеев развивает идею коэволюции человеческого общества и биосферы. Эта коэволюция идет таким образом, что человек постепенно, используя ресурсы природы, переводит биосферные параметры в состояние опасные для самого его существования. Насколько я понимаю

автора, выход он видит в активном корректирующем вмешательстве сознания в стихию бифуркаций и синергетику, так скажем, человеческого «мира миров». Но следует торопиться!

Конечно, окончательные ответы на фундаментальные вопросы относительно будущего всегда остаются за ним самим. Оно непредсказуемо, потому что идущие за нами сами выберут свои дороги. Но может быть, будущее сотворимо совместными усилиями? Создать условия для свободных усилий наших потомков – может быть, в этом заключается ограничение нашей свободы выбора? Вместо того, чтобы воровать у внуков и правнуков невосполнимые запасы нефти и газа, лучше поискать альтернативные источники энергии, затеять упомянутую перестройку сознания и иную полезную «метанойю» ума, привлекая единую систему воспитания и образования. Последнее должно включать углубленное гуманитарное знание; нам следует не урезать, как сегодня, гуманитарную составляющую образования, а делать ее более строгой. Мы обязаны противопоставить разъедающей мысли и «полноте ума» узкой специализации новое синтетическое мышление, включающее в том числе экологию и антропологию. Необходим синтез строгого естествознания и человекознания, наук и культур. Впереди светится движение к недостижимой, но желаемой полноте знания, к универсальному, и возможный диалог с грядущими поколениями. Нужна свобода, ограниченная ответственностью, замкнутая на неё. Если не обречем историческую ответственность, то будем за свою свободу и алчность, за выбор скоро наказаны по законам природы. Вопросы эти как никогда ранее являются судьбоносными.

Вопросы остаются, множатся – ответы усложняются. Но вопрос – это то, что предваряет выбор, в том числе осознанный, свободный выбор или выбор свободной ответственности, выбор свободы или свобода выбора, кому как больше нравится.

Одно из необходимых условий для этого сформулировано и тянется из седой древности. Оно заключается в настоятельной рекомендации Дельфийского оракула: «Познай самого себя!»

Примечания

- ¹ О влиянии античной философии и культуры: *Петров М.К.* Античная культура. М., 1997. С. 9 и далее.
- ² За подробностями отсылаю: *Налимов В.В.* Спонтанность сознания. М., 1989. Гл. 2, § 7: «Бейесовская логика христианской мысли».
- ³ См.: *Пригожин И., Стенгерс И.* Время, хаос, квант. М., 1999; *Пригожин И.* Конец неопределенности. Ижевск, 1999. Гл. 5: Законы хаоса и др.
- ⁴ О грядущей России. Джорданвилль–Нью-Йорк, 1993.
- ⁵ См.: *Гефтер М.Я.* Из тех и этих лет. М., 1999. С. 465.
- ⁶ Об этом лучше всего сказано: *Моисеев Н.И.* Быть или не быть... человечеству? М., 1999.